Глава 413: Отец и Сын (Часть II)

Все посмотрели на Цюшань Цзюня, ожидая его ответа.

Ответит ли он словами ‘Отец и Сын’ или продолжит молчать?

Если он решит не отвечать, он станет неподобающим сыну человеком, совершающим чудовищное преступление.

Бай Кай задержал свое дыхание, пока его лицо не покраснело. Он знал, какие страдания должен испытывать его Старший Брат.

Сяо Сунгун посмотрел на Цюшань Цзюня и холодно сказал: «Не говори мне, что ты действительно посмеешь ударить собственного отца?»

У того старейшины Секты Долголетия в глазах появились насмешки и жалость. Да, даже если бы Цюшань Цзюнь был без плана и решился сражаться, даже если бы он смог взять Массив Мириад Мечей и даже посмел бы уничтожить им драгоценный нефрит, как он мог совершить отцеубийство?

Цюшань Цзюнь был очень тихим, глядя на удаленные горы.

Спустя очень долгое время он вновь взглянул на своего отца. Он должным образом сжал руки и поклонился.

Затем он сказал слова: «Отец и Сын».

Легкий ветер подул через горы. Он был похож на беспомощный вздох.

Разрезав робу, можно отсечь дружбу. Разрезав коврик, можно отсечь отношения. И все же, даже если отрезать плоть на своем теле, все еще будет невозможным отрезать наиболее мощную связь мира, кровь.

Цюшань Цзюнь был идеальным, обладая великой мудростью и великой храбростью, он всегда действовал наиболее человечным способом. Как он мог совершить такое недостойное сына действие? Как он возможно мог напасть на собственного отца?

Глава клана Цюшань посмотрел на Цюшань Цзюня с довольно сложными эмоциями: «Все говорят, что у тебя кровь истинного дракона, которую редко можно увидеть раз в тысячу лет, но остался ли кто-то, кто все еще помнит, что в твоем теле течет кровь моего клана Цюшань? К счастью, ты не забыл».

Цюшань Цзюнь ничего не говорил, и лишь спокойно смотрел на него. По какой-то причине выражение в его глазах заставляло сердце биться чаще.

По какой-то причине глава клана Цюшань ощутил крайне неприятное ощущение. Пытаясь устранить будущий конфликт, он быстро сказал: «Так как ты решил остаться достойным сыном, быстро устрани Массив Мириад Мечей».

Цюшань Цзюнь замолчал на некоторое время, а потом сказал: «Отец, ты, вероятно, не так понял мои слова».

Все были довольно поражены. Они подумали про себя: ‘Глава клана Цюшань сказал слова ‘Небо и Земля’, а ты ответил ‘Отец и Сын’. Ты должен знать, что это человеческие отношения,

против которых невозможно пойти. Может быть, у тебя есть какой-то другой метод?’

Цюшань Цзюнь спросил главу клана Цюшань: «Отец - великодушный, сын - послушный. Я должен уважать моего отца, но, Отец, не должен ли ты также любить и защищать своего сына?»

У главы клана Цюшань было неприглядное лицо. Он закричал: «Откуда пришел этот бред?»

Все знали, что хоть Цюшань Цзюнь и рос в Горе Ли, изучая меч, глава клана Цюшань смотрел на него, как на драгоценное сокровище. Чтобы Цюшань Цзюнь не требовал, глава клана Цюшань всегда соглашался. Это достигло такой степени, что клан Цюшань также заботился об учениках Горы Ли в последние несколько лет. Если говорить о любви и защите, то этот отец, глава клана Цюшань, можно было сказать, совершил экстраординарно хорошую работу.

Цюшань Цзюнь взглянул на отца и продолжил говорить: «Да, в эти последние несколько лет Отец позаботился о многих вещах ради меня и организовал мне много путей, будь это моя отправка в Гору Ли тогда или моя возможность случайно встретить Боевого Двоюродного Дедушку у того горного потока. Если все будет развиваться так, как спланировал Отец, то в будущем Секта Меча Горы Ли неизбежно будет моей, и даже Секта Долголетия будет моей. Я стану самым младшим Святым. Если я женюсь на Младшей Сестре Сюй, то мы станем новым поколением пары Белого Императора, и мир людей объединенных севера и юга тоже будет нашим. По этой причине ты воспользовался возможностью, пока я был на миссии по получению ключа к Саду Чжоу, и убедил нескольких старейшин юга отправиться в столицу и сделать предложение. И ты ясно понимал, что Младшая Сестра Сюй не сделала приготовлений выйти за меня замуж. Более того, ты использовал какой-то метод, чтобы убедить Святую Деву перевести Младшую Сестру Сюй из Храма Южного Потока. Да! Отец сделал для меня многие вещи. Как ты можешь не любить меня?»

Когда этот длинный монолог был окончен, пик Горы Ли вновь был окутан тишиной.

Эти слова Цюшань Цзюня были очень твердыми, очень прямыми, очень ослепительными, но дела, о которых он говорил, имели противоположную природу.

Лицо главы клана Цюшань стало еще более неприглядным: «О чем же ты думаешь?»

Цюшань Цзюнь сказал: «То, что я хочу сказать, Отец, чем больше ты любишь меня, чем большую плату ты желаешь отдать за меня, тем более невозможным для тебя будет достичь сегодня успеха. И наоборот, я должен поблагодарить Отца за то, что прибыл сегодня на Гору Ли, чтобы помочь мне подавить это восстание, потому что вскоре после этого, возможно, Отец начнет следовать моим планам».

Глава клана Цюшань так разозлился, что все его тело дрожало: «Нерадивый сын! Может быть, что ты действительно посмеешь напасть на меня!»

«Твой сын не посмеет», - спокойно ответил Цюшань Цзюнь, а затем вытащил Меч Чешуи Дракона из ножен.

Яркое сияние меча осветило пик, как будто настоящий дракон высунул голову из-за облаков и искупал это место в свете.

Глава клана Цюшань вдруг догадался о чем-то, и его лицо внезапно изменилось. Он закричал дрожащим голосом: «Быстро остановите его! Удержите его меч!»

Услышав этот крик, лицо Стража клана Цюшань вдруг стало холодным. Ци, которое он излучал, внезапно выросло до ужасающего уровня.

Лишь сейчас все наконец-то убедились, что этот Страж с невообразимой культивацией был действительно несравненно сильным. Если у него будет достаточно времени, возможно, он действительно прорвется через остатки Массива Мириад Мечей.

Бай Кай и другие ученики Горы Ли не знали, что Старший Брат планировал делать дальше. Услышав приказ главы клана Цюшань, они подсознательно схватили свои мечи и выдвинулись вперед, став перед жилищем.

Сияния мечей были везде, когда ученики Горы Ли выстроили себя в массив мечей, защищая Цюшань Цзюня позади них.

Страж клана Цюшань не мог блокировать Цюшань Цзюня.

Не из-за этого поспешно выстроенного массива мечей, сформированного этими учениками Горы Ли, и не потому, что Массив Мириад Мечей перед жилищем все еще функционировал. Это было просто потому, что Цюшань Цзюнь был слишком быстрым.

Прежде, чем Цюшань Цзюнь использовал меч, казалось, как будто он не раздумывал о своих интересах и не вызвал звон своего сердца мечей. Он был подобен кому-то, кто увидел, как ребенок, играющий у колодца, вот-вот упадет, и протянул руку, чтобы поймать ребенка. У этой атаки не было ощущения быстроты, но она была очень решительной, верной и правильной, чем-то, что никто не мог блокировать.

Раздался мягкий хлюп.

Меч Чешуи Дракона... пронзил его живот и вышел с обратной стороны.

Клинок меча был покрыт темно-красной кровью. Он более не был таким ярким, как ранее, а скорее казался особенно безвкусным, как только что расцветший цветок.

Над пиком Горы Ли нависла мертвенная неподвижность.

Все были ошеломлены.

Не было слышно и единого голоса, лишь был слышен звук, мягко дующий через горы.

Лишь сейчас люди поняли, что этот горный бриз не был беспомощным вздохом, а безграничными вздохами восхищения.

Бай Кай громко вскрикнул и поспешил к Цюшань Цзюню, поддерживая его, когда тот чуть не рухнул.

Лицо Цюшань Цзюня было бледным, но выражение его лица все еще было спокойным. Кровь промочила половину его тела, а меч все еще был внутри.

Его меч был очень быстрым, очень стойким и очень точным. Он пронзил его тело, но не повредил никакие внутренние органы.

Ему мечу лишь требовалось пошевелиться немного, и он умрет.

Глава клана Цюшань тоже наконец-то понял. Его лицо стало еще бледнее, бледнее, чем даже

лицо Цюшань Цзюня.

Для Цюшань Цзюня клан Цюшань слишком многое заплатил, сделал слишком много вещей, и слишком долго готовился.

Если это была инвестиция, то ей точно нельзя было позволить провалиться, но если Цюшань Цзюнь умрет, все это сгорит с дымом.

Если это не была инвестиция, а любовь, то как он мог вынести вид смерти собственного сына?

‘Небо и Земля’, а затем ‘Сын и Отец’.

Это был принцип природы, естественная связь между людьми.

Ни один человек не мог сопротивляться.

Да, все так и было.

Но Цюшань Цзюнь ранее сказал слова ‘Отец и Сын’ не для того, чтобы быть плененным кровными связями, а чтобы использовать их для противостояния своему отцу.

Если глава клана Цюшань мог использовать свой статус отца и потребовать, чтобы он уступил в чем-то, то он, естественно, мог использовать свою жизнь сына, чтобы потребовать отца уступить в чем-то.

Великодушный отец, послушный сын.

Сын был образом своего отца.

Значит вот как все было.

Да.

http://tl.rulate.ru/book/1222/108309